

Виктория Волкова

**ОБОЖЖЕННЫЕ ИЗМЕНОЙ.
ТОЛЬКО ПОЗОВИ!**

УДК 82-3
ББК 84-4
В67

Волкова В.
В67 Обожженные изменой. Только позови! / Виктория Волкова – М.:
Литнет, 2026. — 220 с.

ISBN 978-5-524-00863-3

Это ошибка какая-то! – прижимая сына к себе, реву от отчаяния. – Нужно еще пройти обследования. Сдать анализы...

- Все точно. У ребенка туберкулез. Его надо изолировать. Я уже вызвала органы опеки, - припечатывает меня взглядом врач. – Вы не в состоянии следить за сыном. Ваши действия наносят ему непоправимый вред.

- Нет! Неправда! – кричу в голос. – Мой сын здоров!

- Вас тут никто не спрашивает, - заходит в кабинет толстая мрачная тетка. – Пойдем, Степа, - тянет из моих объятий сына.

- Мама, я хочу писать! – вырываясь, плачет малыш.

- Мы сейчас, - схватив ребенка за руку, выскакиваю за дверь.

- Бывший натравил на нас опеку, - звоню из тесной кабинки соседу. – Степу забирают! Спаси нас!

- Не хнычь, Василиса. Сейчас буду.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00863-3

© Литнет, 2026
© В. Волкова, 2026

Пролог

— Ты! Ты! — кричу мужу и больше ничего сказать не могу. Будто все слова забыла от отчаяния.

— Ну я. И что с того? — усмехается он, сведя мою трагедию к банальной истерике.

— Я видела тебя с ней! — выпаливаю резко. Мотаю головой, желая развидеть.

Мой муж, расслабленно сидящий в кресле. Затылок безмятежно покоится на высоком подголовнике, глаза закрыты, ноги расставлены. А между ног блондинистая голова секретарши.

— Ну и что? — пожимает плечами Эрик. — Нечего было врываться. Это тебя не красит.

— Меня? Меня не красит? — ору, еле сдерживаясь. И даже не знаю, что меня бесит больше: сам факт измены или циничный тон мужа.

— Ты должна понимать, Леся... Мы взрослые люди. Мне время от времени требуется релакс...

— Вот прямо на рабочем месте требуется? — взвиваюсь я. — Приди домой и... релаксируй! — реву навзрыд.

У нас же нормальная семья была. Любовь. А тут релакс какой-то с секретаршей.

— Ты моя жена, — рявкает Эрик. — И есть вещи, которые по отношению к жене недопустимы...

— А с этой... как ее? — нервно хожу по комнате. Кажется, еще минута, и меня вырвет.

— Да какая разница, как ее, — морщится Ларсанов. — Подумаешь, во рту подержала...

— Ты с ума сошел, — выдыхаю, не скрывая ужаса. И выбежав из гостиной, несусь в спальню. Достāju чемодан. Закидываю туда вещи. Свои и сына.

— Угомонись, Леся, — подходит вплотную муж. Одним движением сковывает мои руки. — Я тебе не позволю уйти. И сына не отдам. Поэтому, давай, вытри слезки и подумай, куда пойдем поужинать. Мир, девочка, — развернув меня к себе, чуть приподнимает мой подбородок. Заглядывает в лицо. Словно проверяет, успокоилась ли я, или нет. — Давай, капель каких-нибудь накапаю, — предлагает заботливо.

— Ничего мне не надо, — выворачиваюсь из захвата. — Оставь меня в покое! — вытирая слезы, бегу в ванную. — Видеть тебя не хочу!

— Собирайся, Леся. Время пошло, — стучит по циферблату брайтлинга муж. — Полчаса тебе хватит собраться. А я пока закажу столик в твоём любимом «Стелла де маре».

— Я никуда с тобой не пойду! — выкрикиваю, распахивая дверь ванной. Но не успеваю скрыться, как Эрик нападает сзади и ощутимо впечатывает меня в стену. Сильные пальцы зажимают шею и, мне кажется, легко переломают позвонки. А совершенно спокойный голос доводит до ужаса.

— Запомни, Леся. Ты моя жена и должна подчиняться. А то, что ты видела... Забудь. И впредь звони, когда собираешься навестить меня на работе. Я брошу все дела ради тебя. Поняла?

Другая рука мужа проникает мне под блузку. Сдвигает вверх кружевные чашечки бюстгалтера. По-хозяйски ложится на грудь, сминая ее, как спелый плод. Чувствую себя бабочкой, пришпиленной на месте, и боюсь пошелохнуться.

— Пусти... больно, — только и могу пролепетать.

— Собирайся, — вжимается в мои ягодицы затвердевший член. — Или пойдем сразу в койку? Как пожелаешь, малышечка...

«Нет, только не это!» — к горлу подкатывает вязкий ком. Даже дышать не могу.

— Отпусти, пожалуйста, — прошу еле слышно. — Я все поняла. Сейчас соберусь.

— Я надеюсь, ты будешь послушной, Леся, — цедит Эрик, не двигаясь с места.

— Да, да, — всхлипываю, пытаюсь снова обрести свободу.

— Умница моя, — больно сжимает ягодицу Эрик. И наклонившись, шепчет хрипло. — Давай, постарайся, Лесенька. Соберись. Покажи, как ты умеешь. Хочу, чтоб у меня только от одного вида встал.

— Хорошо, — выдыхаю, молясь лишь об одном. Пусть Эрик оставит меня в покое. Сейчас. Навсегда... — А Степу с кем оставим? — спрашиваю, когда муж отходит в сторону. Разглядывает в зеркале красивую физиономию.

Проводит ладонью по скуле. Самовлюбленный наглый тип. Ненавижу!

«Теперь ненавижу. А еще сегодня утром любила», — думаю обреченно. Мне кажется, даже сердце биться перестает. Сжимается от отчаяния.

— Возьмем с собой, — передергивает плечами муж. — Я забро-нирую столик с видом на море. Стеф любит смотреть на кораблики...

Дергаюсь внутренне. Меня корбит глуповатое «малышечка», триггерит «Стеф» и ужасно бесит «Леся». Но сколько я ни просила не называть нас так, бесполезно. Эрик будто смакует каждое неприятное мне обращение и специально повторяет каждый раз.

А сегодня вообще нет сил что-то доказывать. Я чувствую себя использованной. Эрик даже не извинился. Как обычно, выставил меня виноватой. Даже соврать поленился. «Увидела — терпи. Я ничего менять не собираюсь».

Как он сказал... «Подумаешь, во рту подержала»!

Меня трусит от бессильной злости, от собственной ничтожности в глазах мужа. Да и кто я? Самая обычная приживалка. Ни денег, ни работы, ни связей.

Придется терпеть, детка!

У моего мужа не существует никаких оправданий. Виновен кто

угодно, только не он сам. Не удивлюсь, если девочке, обслуживающей его, он выкатил штраф.

«Надо уходить», — закрыв за Эриком дверь, сползаю вниз по стене.

«И куда ты уйдешь одна с сыном? Ларсанов тебя везде найдет», — пытаюсь осознать степень стихийного бедствия, в которое влипла.

«Деньги... В сейфе всегда лежат деньги, и я знаю код. Плюс на счетах у меня скопилось. Нужно перевести их в другой банк, чтобы Эрик не заблокировал... И надо попросить помощи!» — думаю лихорадочно. И если первые два пункта решаемы, то третий вызывает большие сомнения. Никто не сможет мне помочь. Богатые и знаменитые не станут из-за меня портить отношения с Эриком. Спецслужбы... Но там у меня знакомых нет, и никогда не было.

— Лесенька! — стучится в дверь Ларсанов. — Не торопись, милая. Столик заказан на девятнадцать. Ты пока прими ванну, а я съезжу за Стефом.

Заберу с робототехники...

— Хорошо, — откликаюсь я. Прикусываю себе язык, чтобы не зорать по привычке «Спасибо, милый!».

И как только за мужем закрывается дверь, на всех парах вылетаю из ванной. Как сумасшедшая, лихорадочно листаю инсту. Только бы я не удалила контакт!

«Слава богу, есть!» — выдыхаю с облегчением, утыкаясь взглядом в фотки счастливой семьи. Моя одноклассница Настя Макарова в окружении двух красивых детей. Говорят, она вышла замуж за какого-то богатого мужика и переехала в Москву.

«Настя, — лихорадочно тычу в кнопки. — Помогите, пожалуйста! Я ухожу от мужа. Хочу снять квартиру в Москве, чтобы он меня не нашел. Не подскажешь, может, кто из знакомых сдает?»

«Ой, привет, Василиса! — тут же откликается Макарова. — У нас стоит закрытая квартира в центре. Если хочешь, приезжай и живи. Мы с тебя только за коммуналку возьмем», — отправляет мне ряд поцелуйчиков.

«Вот и отлично», — размышляю, прикусив губу. Останется только решить вопрос с деньгами и найти работу на новом месте. А еще устроить Степана в новую школу. Но главное, жилье есть. А с остальным я справлюсь.

На автомате выглядываю в окно. Блин! Блинский блин!

Эрик уже приехал и паркуется. Быстро снимаю домашнюю одежду. Натягиваю черное платье с декольте, чулки телесного цвета. Эрик запрещает мне носить колготки.

Расчесываю волосы, слегка мажу губы блеском. И выхожу в коридор встречать сына.

— Какая же ты у меня красивая, — по-хозяйски кладет мне руки на талию муж. — Хорошая девочка... Понимающая, — выговаривает он, будто собаку хвалит. — А я тебе кое-что купил, — хвастается довольно. И достав из портфеля плоскую коробку, возвращает-ся. — Погляди, какая роскошь. Тебе понравится, — не спрашивает, а утверждает муж.

— Мама, а я свитер испачкал, — жалобно ноет Степан. — Ручкой нечаянно мазнул...

— Лошара, — раздраженно отпускает ребенка щелбан Эрик. У сына мгновенно в глазах появляются слезы. Больно и обидно. Мне тоже. — И не перебивай, когда взрослые разговаривают, — огрызается муж, раскрывая коробку.

— Надень другой, сыночек. В шкафу возьми. А этот я отстираю, — игнорируя Ларсанова, наклоняюсь к сыну.

— Да, иди уже, — рывкает на растерянного ребенка отец. Демонстративно ждет, когда сын уйдет, а затем больно дергает меня за волосы. — Похоже, Леся, у нас проблемы. Придется научить тебя правильно расставлять приоритеты, — бурчит раздраженно.

Еле сдерживаюсь, чтобы не закричать. Но нельзя! Иначе выдам себя. Опускаю глаза, чтобы скрыть клоочущую в груди ярость. Но Эрик неправильно понимает мою реакцию.

— Люблю покорных, — усмехается он криво и, достав из коробки

аляповатое украшение с бриллиантами, надевает мне на шею. — Тебе идет, малышечка, — самодовольно гладит меня по спине, по попе. — Будем считать глупый инцидент исчерпанным, правда? — целует меня в висок. — Да, — киваю через силу.

А утром, дождавшись, когда Ларсанов уедет релаксировать в офис, срываюсь вместе с сыном в Москву.

Глава 1

— Приехали, товарищ майор, — тормозит около моего подъезда Рома Иконников, встретивший меня в аэропорту.

— А? — моргаю спросонья. — Спасибо, Ром. Давай, до завтра, — пожимаю тонкие пальцы нового мажористого напарника.

«Блин, вот что с таким делать? Как работать? — морщусь мысленно. — Придется решать в ближайшее время. А сейчас главное, спать. Сколько суток я на ногах?»

— Глядите, товарищ майор, — кивает Иконников на мой крузак, припаркованный около подъезда. — Это кто ж такой тут у вас бесстрашный?

Мажу осоловелым взглядом по серебристому боку любимой тачки. Что за фигня?

— Как будто кофе облили, — вздыхает натужно Иконников.

— Ладно, разберемся, — морщусь я, выбираясь из машины. — До понедельника, Ром...

Хмуро кошусь на загаженный крузак и, войдя в лифт, открываю наш домовый чат. А там стопятьсот сообщений!

Пока еду к себе на четвертый, пытаюсь вычленить главное. Но ничего не получается. В глаза как песка насыпали.

Все потом — кидаю телефон в карман куртки.

«Найду уroda. Заставлю отмывать. Мордой натыкаю, как кот шелудивого», — на выходе из лифта в другом кармане нащупываю ключи. И моментально боковым взглядом засекаю какое-то движение на лестничной клетке. Ребенок. Один. Рядом валяется рюкзак и игрушки какие-то.

— Здравствуйте! — звонко окликает меня пацан. Сидит на подоконнике. Ногами болтает. Сколько ему? Лет семь, наверное.

— Привет! — внимательным взглядом ощупываю мальчишку. Одет прилично, в чистое. На ногах яркие сапожки с отражающими

свет вставками. На полу сменка. Ждет кого-то! Только у нас в подъезде его сверстников нет. Особо ждать некого. — Ты чего тут? — кидаю около двери сумку.

— Маму жду, — печально вздыхает пацан. — Я из школы пришел, а ее дома нет. Представляете?

— С трудом, — признаюсь честно.

У нас на площадке ни у кого детей нет. Семей тоже. Если разобраться, я тут один живу. И уже привык. Две других квартиры принадлежат Сане Димирову. Он у нас олигарх. И обе хаты держит закрытыми. Может себе позволить.

— А вы здесь живете? — кивает пацан на мою дверь.

— Ну да, — усмехаюсь я.

— А почему я вас раньше тут не видел? — бесхитростно интересуется пацан.

— Я в командировке был.

— А где?

— На Дальнем Востоке, — отвечаю терпеливо и сам не понимаю, когда мелкий умудрился перехватить инициативу в разговоре. Кто из нас следователь по особо важным? Он или я? — А ты где живешь? — спрашиваю, устало спускаясь к ребенку.

Ну не могу я тут его одного оставить.

И в квартиру пригласить не могу. Сразу доброхоты пару статей с отягчающими наклепают.

— А я — в этой! — звонко сообщает пацан, показывая пальцем в направлении квартиры напротив моей.

А-а-а, квартиранты, значит! Выходит, Саня все-таки сдал одну хату... Или продал? Надо уточнить.

— Ну, рассказывай, — сажусь рядом с мальчишкой на подоконник. — Как тебя зовут? Откуда вы приехали с мамой?

«На мою голову», — чуть не добавляю на автомате, но вовремя сдерживаюсь.

— Я — Степа Ларсанов, — представляется ребенок.